

УДК 81'27
ББК 81

Дебора Таннен
Джорджтаун, США

Deborah Tannen
Georgetown, USA

**«МЫ НИКОГДА НЕ БЫЛИ БЛИЗКИ,
МЫ ОЧЕНЬ РАЗНЫЕ»: ТРИ ТИПА
НАРРАТИВА В ДИСКУРСЕ СЕСТЕР**

**«WE'VE NEVER BEEN CLOSE, WE'RE VERY
DIFFERENT»: THREE NARRATIVE TYPES
IN SISTER DISCOURSE**

Аннотация. На основе рассказов женщин о своих сестрах в проводимых мной интервью я выделяю три типа нарратива: нарративы с маленькой буквы «н» – так называемые *n*-нарративы, или нарративы, Нарративы с большой буквы «Н» – *N*-нарративы, или Нарративы, и Супер-нарративы. Повествование об определенных событиях, которые, по словам рассказчицы, происходили с их сестрами, – это *n*-нарративы. *N*-нарративы – это темы, на которые беседуют со мной женщины, рассказывая о своих сестрах, и для иллюстрации которых они используют *n*-нарративы. Супер-нарративы являются общекультурным идеологическим фоном для *N*-нарративов. В моих интервью, посвященных сестрам, никак не сформулированный Супер-нарратив есть установка на то, что сестры должны быть близкими и похожими друг на друга людьми. Этот Супер-нарратив объясняет, почему почти все американки, которых я опрашивала, выстраивали свой дискурс в рамках *N*-нарративов, рассказывая, были ли они близки со своими сестрами, насколько близки и почему, а также были ли они похожи, насколько похожи и чем – или отличались друг от друга. Исследуя взаимосвязь этих трех типов нарратива, я подробно рассматриваю *n*-нарративы двух женщин, анализируя то, как вместе повтор стратегий вовлечения, диалог и детали создают сцены. Сцены удерживают *n*-нарративы, помогая им пояснять *N*-нарративы, которые, в свою очередь, мотивированы культурно-обусловленным Супер-нарративом.

Ключевые слова: нарратив, дискурс сестер, семейный дискурс, стратегии вовлечения.

Оригинал: Tannen D. «We've Never Been Close, We're Very Different»: Three Narrative Types in Sister Discourse. *Narrative Inquiry*. 18:2 (2008): 206-229.

Abstract. Drawing on interviews I conducted with women about their sisters, I identify three narrative types: small-*n* narratives, big-*N* Narratives and Master Narratives. Small-*n* narratives are accounts of specific events or interactions that speakers said had occurred with their sisters. Big-*N* Narratives are the themes speakers developed in telling me about their sisters, and in support of which they told the small-*n* narratives. Master Narratives are culture-wide ideologies shaping the big-*N* Narratives. In my sister interviews, an unstated Master Narrative is the assumption that sisters are expected to be close and similar. This Master Narrative explains why nearly all the American women I interviewed organized their discourse around big-*N* Narratives by which they told me whether, how and why they are close to their sisters or not, and whether, how and why they and their sisters are similar or different. In exploring the interrelationship among these three narrative types, I examine closely the small-*n* narratives told by two women, with particular attention to the ways that the involvement strategies repetition, dialogue, and details work together to create scenes. Scenes, moreover, anchor the small-*n* narratives, helping them support the big-*N* Narratives which are motivated in turn by the culturally-driven Master Narrative.

Key words: narrative, sister discourse, family discourse, involvement strategies.

Сведения об авторе: Таннен Дебора, профессор департамента лингвистики университета в Джорджтауне.

About the author: Tannen Deborah, Georgetown University, Linguistics Department, Professor.

Контактная информация: <http://www9.georgetown.edu/faculty/tannend/>, **E-mail:** tannend1@georgetown.edu

Введение: В поисках историй

В связи со своим недавним исследованием я провела, записала на пленку и затранскрибировала (частично не сама) интервью с женщинами разного возраста и различным социокультурным опытом о взаимоотношениях с сестрами. Возможно, термин «интервью» не совсем подходящий, и более точ-

ным термином является «беседа на заданную тему», поскольку я не задавала заранее подготовленных вопросов, а просто начинала беседу со слов: «Расскажите мне о своей сестре (своих сестрах)». Так же как в непринужденной беседе, я задавала вопросы, приходящие мне в голову по ходу беседы, а иногда вставляла собственные наблюдения,

© Tannen D., 2008

© Дубровская О. Н., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. Саратовский государственный университет, 2015

связанные с моими двумя сестрами. Во время этих «бесед на заданную тему» я поощряла собеседниц делиться рассказами о каких-то особых случаях из жизни. Позже, читая затранскрибированные тексты, я выделяла желтым цветом эти места, то есть те фрагменты беседы, в которых женщина рассказывала какую-то историю. В результате, хотя моей целью был анализ дискурса сестер, я также исследовала функцию и природу нарратива. Анализ позволил мне выделить три типа нарративов, каждый из которых отличается уровнем абстракции: н-нарративы, Н-нарративы и Супер-нарративы. Н-нарративы и Супер-нарративы оказались наиболее важными с точки зрения того, каким образом собеседница понимает свои взаимоотношения с сестрами и как рассказывает о них. Исследование н-нарративов, сопровождающее наблюдение над дискурсом сестер, также внесло определенный вклад в мое понимание природы нарратива и его центральной роли в разговорном дискурсе и в процессе познания. Более того, оно еще раз доказало важность стратегий вовлечения, которые я изучала ранее, то есть важность использования повтора, диалогичности, внимания к деталям, а также тех способов, с помощью которых данные дискурсивные стратегии комбинируются для создания и выделения некоторых событий, в рамках которых люди участвуют в определенных видах коммуникативного взаимодействия, существующих в данной культуре и значимых для них.

Моя работа выполнена в рамках теории интеракциональной социолингвистики. Это означает, что мой основной метод анализа – запись устной естественной речи, а затем изучение текста расшифровки записи. Кроме того, в своем исследовании дискурса сестер я проводила и записывала интервью, или беседы на заданную тему. Так я опросила более ста женщин разного возраста, имеющих различный социокультурный опыт. В основном беседы проходили один на один, иногда – в группе из нескольких человек. Проведение таких интервью сначала породило во мне ощущение когнитивного диссонанса. Я вновь и вновь задавалась вопросом: «Как социолингвист, специалист в области речевой коммуникации, может опрашивать людей таким образом?». Размышления над ответом на этот вопрос привели к тому, что у меня появился особый интерес к нарративу.

Я давно знаю об уникальной роли нарратива в разговорном дискурсе. Именно в этом ключе я цитировала отрывок из книги Эудоры Велти *One Writer's Beginnings* «Как начи-

нал один писатель» [1] – автобиографического исследования причин, побуждающих автора писать художественную литературу. Велти пишет:

Задолго до того, как я начала писать рассказы, я слушала, когда же начнутся рассказы. Предвкушать рассказ гораздо важнее, чем его слушать. Я полагаю, что это некая первичная форма участия в том, что происходит. Слушающие дети знают, что сейчас-то все и случится. Когда взрослые садятся и готовы начать, дети уже ждут и надеются, что история вот-вот появится, как мышка из норки [1 : 14].

Этот отрывок описывает мой подход к интервью с женщинами о сестрах: я ждала и надеялась, что история появится «как мышка из норки». Подготовленность беседы ускоряет этот процесс, увеличивая мои шансы поймать рассказ в расставленные сети. Понимание того, что эти рассказы и есть добыча, которую я ищу, привели меня к осмыслению природы нарративов, той роли, которую они играют в моем исследовании дискурса сестер, и того, что они проливают свет как на исследуемый дискурс, так и на ключевой вопрос, которому посвящено все мое исследование: «Каковы языковые механизмы создания смыслов и обсуждения взаимоотношений между людьми?».

Внимание к этим аспектам нарратива вернуло меня также к некоторым явлениям, которые я начала изучать много лет назад: стратегии вовлечения в разговор. В книге, озаглавленной *Talking Voices (Разговаривающие голоса)* [2], я прихожу к выводу, что повседневное устное общение состоит из языковых стратегий, которые часто воспринимаются исключительно как свойство литературного языка. Я исследовала подробно следующие характеристики дискурса: использование повторов, диалог (диалогичность) и детали (детализацию). В книге я утверждаю, что эти и другие стратегии вовлечения используются вместе для изображения событий, а эти события служат тем контекстом речевой интеракции, в котором передается и понимается смысл. В многочисленных работах, моих собственных и других авторов, опубликованных до и после издания *Talking voices*, исследуется повтор (например, [3–6], а также явление, которое часто называют «косвенная речь» (например, [7–10], но для которого я предлагаю более точный термин «сконструированный диалог». Коротко говоря, термин «косвенная речь» подразумевает, что говорящий – нейтральный участник, просто «передаю-

щий» дискурс, созданный другим говорящим в ином контексте. Я же утверждаю обратное: диалог, как дискурс, оформленный голосом говорящего, есть «произведение», созданное тем, кто его произносит, точно так же, как диалог в пьесе или романе есть «произведение», созданное его автором. Таким образом, понятие сконструированного диалога неотделимо от теории разговорного (конверсационного) дискурса, поскольку состоит из тех же языковых элементов и процессов, что и литературный дискурс.

Очень мало разработана тема деталей, а также связанного с ними феномена – образности, и почти совсем не уделяется внимание комплексной стратегии и хронотопу событий. Действительно, я сама, продолжая включать анализ повтора, диалога и деталей в свои исследования и теорию, упускала из виду хронотоп. Исследуя рассказы женщин о сестрах, я пришла к выводу, что сцена события, ее роль в дискурсе помогает объяснить, почему я ищу именно такие нарративы, стремясь понять дискурс сестер. Далее я покажу, почему сцена (хронотоп) является центром n-нарратива в разговорной речи, так же как и в пьесе. Говорящие создают сцены событий, чтобы поддержать суть повествования – то, что они рассказывают мне о своих сестрах. Представляя себя и своих сестер вовлеченными в деятельность, которая культурно обусловлена и поддается интерпретации, говорящие придают некую драматургичность своему восприятию сестер и самих себя в связи с сестрами и, соответственно, характеров как своих сестер, так и собственных.

Далее я рассматриваю повтор стратегий вовлечения, диалог и детали, а также их функцию в создании сцен в нарративах, рассказанных мне о сестрах. Однако, в первую очередь, я исследую понятие нарратива, разграничивая три типа: n-нарратив, N-нарратив и Супер-нарратив. Нарратив со строчной «n» – n-нарратив – является типом дискурса, который часто называют «нарративом Лабова», основываясь на анализе нарративов о личном опыте, представленном в работе [11]. В моих интервью это рассказы женщин о некоторых событиях и коммуникативных взаимодействиях, имевших место в жизни сестер. Нарратив с заглавной буквы N, N-нарратив, обозначает тему повествования и поддерживает содержание n-нарративов. Супер-нарратив представляет собой культурно-обусловленную систему ценностей, точку зрения, определяющую N-нарратив. Супер-нарратив, являющийся движущей силой N-нарративов в моих интервью, – предположение, что сестры должны быть близки и похожи друг на друга.

Я утверждаю, что этот Супер-нарратив объясняет, почему фактически каждая американка, с которой я разговаривала, в самом начале беседы, буквально в первой фразе, сообщала мне, близки ли они с сестрой или нет; похожи ли они – или (что было гораздо чаще) насколько отличаются друг от друга; или что они чем-то похожи, но в остальном очень отличаются. Наконец, вездесущность Супер-нарратива заставляет меня еще раз обратиться к исследованию динамики близости / дистанции и сходства / отличия как взаимообусловленных континуумов, в пределах которых говорящие выстраивают свои взаимоотношения.

Три типа нарратива

Предложенное Джи [12] разграничение Дискурса с заглавной «Д» и дискурса со строчной «д» стало общим местом в дискурсивном анализе, когда д-дискурс обозначает некоторые произнесенные или написанные слова, а Д-дискурс обозначает культурно-обусловленные ценностные установки. Так, например, Кендалл [13], в эссе, озаглавленном «Father as breadwinner, Mother as Worker: Gendered Positions in Feminist and Traditional Discourses of Work and Family» («Отец как кормилец, мать как работник: гендерные установки в феминистском и традиционном дискурсах о работе и семье», анализирует д-дискурс двух пар, в которых оба супруга работают, и показывает, что, когда они говорят о финансах, отец всегда воспринимается как кормилец, чей заработок покрывает основные расходы, такие как ипотека и покупка продуктов питания, а мать – это работник, чей доход позволяет оплатить дополнительные расходы, например, домик на море. Кендалл называет такую идеологическую рамку «традиционным дискурсом» о работе и семье, по контрасту с «феминистским дискурсом», который, как показывает исследование, используют родители, говоря, что поровну делят обязанности и по зарабатыванию денег на содержание семьи, и по воспитанию детей.

Различие N-нарратива и n-нарратива, которые я выделяю, строится по модели Д-дискурса и д-дискурса, предлагаемой Джи. Однако я ввожу третье, более широкое понятие – Супер-нарратив. В следующем разделе я описываю и привожу примеры этих типов нарратива в обратной последовательности. Кроме того, я обсуждаю, какую роль играют стратегии вовлечения, включая сцену события, в этих нарративах, а также исследую динамику близости и сходства, проявляющуюся в этих нарративах и в дискурсе в целом.

Супер-нарратив: сестры должны быть близки и похожи

С начала работы над дискурсом сестер множество раз я так или иначе становилась участницей всегда одинакового диалога, когда меня спрашивали, над чем я сейчас работаю, а я отвечала, что «над сестрами», и спрашивала собеседников, есть ли сестры у них. Если ответ был «да», то я расспрашивала о них. Одна женщина, с которой у меня состоялся подобный разговор, ответила: «У нас с сестрой натянутые отношения. Мы никогда не были близки. Мы очень разные». Услышав это, я невольно улыбнулась, и затем должна была объяснять почему. В своем кратком ответе эта женщина сумела выразить квинтэссенцию рассказов всех женщин о своих сестрах: рано или поздно – обычно практически сразу – они сообщали, близки ли и похожи ли они (а чаще всего – насколько они отличаются друг от друга). Описание взаимоотношений между сестрами именно через эти два аспекта оказалось настолько частотным, что мне пришлось в голову, что сообщение о том, близки ли они, или о том, чем и насколько они похожи или отличаются, мотивировано Супер-нарративом, который, как зонтик, накрывает весь дискурс.

Меня давно интересуют взаимоотношения между динамикой схождения / различия и близости / дистанции [14]. То, что они тесно взаимосвязаны, было отмечено еще Р. Брауном и А. Гилманом [15] в ставшей классической статье, где власть и солидарность объявляются фундаментальными понятиями языка и межличностной интеракции. Р. Браун и А. Гилман ставят знак равенства между солидарностью и сходством, властью и различием. Определяя понятие «власть», они пишут: «Форма V связана с различиями между людьми» [15 : 256]. Напротив, определяя «семантику солидарности», они отмечают: «если у А те же родители, что и у В, то у В те же родители, что и у А. Солидарностью мы называем взаимоотношения в целом, и солидарность симметрична» [15 : 257]. Для Р. Брауна и А. Гилмана, следовательно, различие и сходство играют ключевую роль в понимании власти и солидарности, соответственно, а взаимоотношения между детьми – ключ к их пониманию. Если мы поставим знак равенства между солидарностью и близостью, а также властью и иерархией, тогда дети в семье должны рассматриваться как одновременно близкие и равные. Такое понимание отношений между детьми в семье объясняет распространенные высказывания «мы как сестры» и «мы как братья», означающие, что «мы близки» и «у нас нет иерархии, мы равны».

Близость, вместе с тем, не обязательно подразумевает равенство, в то время как иерархия не всегда означает дистанцию, и нет лучшей иллюстрации для этого, чем отношения между детьми в семье. Родные братья и сестры действительно по определению близки (что отражается в метафорическом употреблении выражений «как братья» или «как сестры»). Однако они по определению неравны, поскольку у них есть возрастная градация: старший ребенок имеет определенное превосходство и власть над младшим.

Возрастная градация детей в семье является настолько принципиальной, что даже близнецы, с которыми я говорила, обычно считают родившегося на несколько минут раньше – старшим, а родившегося на несколько минут позже – младшим. Например, 57-летняя женщина, которую я опрашивала, начала с перечисления своих сестер: самая старшая, начала она, на четыре года старше; другой только что исполнилось 59 лет. Затем шли она и ее сестра-близнец, про которую было сказано: «Она самая младшая. Я на четыре минуты старше». Вторая сестра-близнец, с которой я беседовала отдельно, также сказала в самом начале, что сестра старше ее на четыре минуты. Более того, обе почти в самом начале сказали о том, что они похожи. Одна предупредила, что если я буду говорить по телефону с ее сестрой, «Вы подумаете, что это я. У нас одинаковые голоса». Другая сестра рассказала мне, что они настолько близки, что просто составляют «одно целое».

Фундаментальная природа взаимосвязи между сходством / различием и близостью / дистанцией устанавливается не только соотношением власти и солидарности, как показано в работе Р. Брауна и А. Гилмана, но также через понятие «шкала личности» в работе А. Беккера [16]: «грамматический континуум от человека к самому отдаленному «другому», на котором располагаются все люди, предметы и события». А. Беккер демонстрирует, что шкала личности есть «некая центральная нить – возможно, единственная центральная нить – в семантической структуре всех языков...» [16 : 109]. «Шкала личности», утверждает исследователь, пронизывает большинство языковых подсистем, включая лексику, дейксис, категорию числа, категорию определенности, времени, шкалу наименований» [16 : 110]. Два простых примера – действительные пары «это / то» и «сейчас / тогда», локализирующие объекты в пространстве и времени как, соответственно, близкие и далекие относительно говорящего [16 : 119]. Точно так же

характерная для женщин тенденция классифицировать и описывать свои взаимоотношения с сестрами как близкие и не близкие, или через категорию сходства и различия, помещает их на «континуум от самого себя до самого отдаленного «другого»».

Близость / дистанция и сходство / различие проявлялись всякий раз, когда я расспрашивала женщин, работая над предыдущей книгой [17], о матерях и дочерях. Тогда тоже, практически всегда и почти сразу я слышала «Мы близки» или «Мы не близки» и «Мы одинаковые» или «Мы разные». И сходство, и различие можно было бы назвать причиной близости или дистанции (вследствие конфликта) в отношениях. Однако женщины, рассказывающие о своих сестрах, гораздо чаще говорили мне, что они разные. Если они и упоминали о сходстве, то почти всегда после того, как приводили многочисленные примеры своего отличия друг от друга, часто объясняя все культурно-обусловленными оппозициями. Так, например, я слышала, в связи с тем, что приходилось делить спальню на двоих: «Моя сторона была аккуратной, а ее в беспорядке» или наоборот. Я также часто слышала, что одна из сестер была послушной, а другая бунтаркой; одна оставалась рядом с родителями или в родном городе, в то время как другая не могла дожидаться отъезда; одна была «сорванцом», а другая «примерной девочкой»; одна не расставалась с книжкой, а другая предпочитала играть в подвижные игры на улице; и, наконец, еще одно распространенное и, на мой взгляд, печальное различие – одна была умной, а другая хорошенькой. Я также слышала о различиях в образе жизни («Она предпочитает большие дома, а я живу в маленькой квартирке»), о разных жизненных обстоятельствах («У меня есть внуки, а у нее нет») или разных взглядах на жизнь («Мы по-разному воспринимаем себя»).

Число женщин, беседовавших со мной и посвятивших большую часть своего дискурса именно различиям между ними и сестрами, настолько велико, что позволяет мне сделать вывод о том, что они реагировали на существующий стереотип о том, что сестры должны быть похожи. Типичным было замечание «Люди не могут поверить, что мы сестры, потому что мы по-разному смотрим на вещи». Исходя из того, как часто женщины говорили мне, что они и их сестры разные, установку на то, что сестры должны быть похожими, можно воспринимать лишь с иронией. Представляется, что исключительно потому, что женщины чувствовали, что от сестер ожидают сходства, многие из тех, с кем я беседовала, строили свой дискурс во-

круг отличий. Это подтверждает и тот факт, что говорящие могут интерпретировать определенное поведение как порождающее некоторые черты сходства или отличия. Например, одна женщина рассказала мне о том, как много различий у них с сестрой, а потом сообщила, чем они похожи. В частности, она сказала, что у них обеих магистерская степень по специальностям, связанным с международной сферой: у нее степень магистра делового администрирования в сфере международного бизнеса, а у сестры – магистра международной коммуникации. Она могла бы сообщить эту информацию для подтверждения различий между ними: ведь ее интересует бизнес, а сестру – коммуникация. Вместо этого она подчеркивает, что обе связаны с международной сферой. Интересно, что она отметила это сходство, чтобы проиллюстрировать, что они обе отличаются от своего брата.

Дело не в том, хорошо или плохо быть близкими или не близкими, похожими или разными, а в том, насколько типично для американских женщин характеризовать свои отношения с другими людьми через эту переменную. Именно поэтому я пришла к мысли, что существует некая установка на то, что сестры должны быть близки и похожи, и она, так же как Супер-нарратив, формирует дискурс о взаимоотношениях сестер, который я услышала от женщин, американок по происхождению. Я говорю «американок по происхождению», потому что женщины, с которыми я беседовала и которые родились и росли в других странах, организовывали свой дискурс иначе. Женщина, родившаяся и выросшая во Вьетнаме, никогда не упоминала, были ли они близки со своей сестрой или нет, похожи ли они или разные. Вместо этого исходные посылки, организующие ее дискурс, были связаны с уважением. Она рассказала мне о том, что у нее была старшая сестра, раздражающая ее тем, что постоянно говорила ей, как поступать. (Обстоятельство, о котором я слышала от многих американок). Хотя ей не нравится то, что ее сестра говорит ей, что делать, уважение к старшему не предполагает открытого проявления неудовольствия, поэтому она любезно выслушивает инструкции, а затем спокойно игнорирует их. Три другие женщины, с которыми я беседовала, росли не в западных культурах: одна из них из Индии, две – из Филиппин; и если свою близость с сестрами они еще упоминали, то никогда не говорили о том, что не были близки, а также о том, были ли они похожими или разными. Дискурс двух филиппинских женщин строился вокруг Н-нарратива о том, что ожидалось от

них как от старших сестер. Супер-нарратив в этих случаях строился вокруг возрастных различий и определяющихся ими обязанностей и привилегий. Наконец, еще одна моя собеседница, которая обсуждала то, что делает их с сестрой похожими или разными, но при этом ни разу не употребила слово *близкий*, была голландкой. Хотя приведенные пять примеров не могут служить объективным доказательством, они, тем не менее, подтверждают наше предположение о том, что Супер-нарратив, определяющий, что сестры должны быть близки и похожи, особенно важен для тех, кто родился и вырос в Соединенных Штатах, и, более того, что Супер-нарративы представляют собой культурно-обусловленные взгляды и установки.

Н-нарратив

Нарратив в значении Н-нарратива широко распространен в публичном дискурсе. Встречается широко распространенное и синонимичное использование слова *история* (*story*), поэтому мы можем также говорить об Истории с большой буквы *И*. Цитирую всего несколько из многочисленных примеров, которые мне встретились за последние месяцы.

В газетах, журналах и публичных комментариях лексемы *нарратив* (*narrative*) и *история* (*story*) используются для обозначения практически любого сообщения, объяснения и даже извинения. Например, статья в журнале «Newsweek» цитирует сотрудника приемной комиссии университета, сказавшего, что ему понравился некий абитуриент, потому что «Нарратив текста заявления продемонстрировал прирожденного ученого...» (Newsweek, 27.08.2007. С. 59). В данном контексте *нарратив* означает то, каким образом абитуриент представил себя и свою жизнь в заявлении, а не в какой-то рассказанной истории. Бывший сенатор Билл Брэдли [18] использует метафору «ложные нарративы», имея в виду исходные установки, которые он должен опровергнуть. Он пишет:

Убежден, что рассказанная нам история про Америку просто лжива... Это история об отсутствии возможностей – о минимальных ресурсах и отсутствии политической воли, о страхе и отсутствии сопереживания, о господстве материальных ценностей в обществе и о лозунге «Только Америка» в международной политике [18 : xiii].

Затем он формулирует свои предложения по решению проблем в Америке как «новую американскую историю». Брэдли использует термины «нарратив» и «история» как взаимозаменяемые,

вкладывая в них множество значений, включая «факты», «убеждения», «объяснения», «установки», «сообщения» и т.д.

Использование лексемы *нарратив* в публичном дискурсе в значении, которое имеет много общего с тем, что я называю Н-нарратив в интервью о сестрах, связано с теорией каузации. Например, объясняя растущее неравенство, дистанцию между богатыми и бедными, Пол Кругман [19] противопоставляет два «нарратива»: «точку зрения экономиста», что «экономические изменения вызывают изменения политические», и «альтернативную историю» о том, что политическая поляризация вызвала увеличивающееся неравенство. Подобное использование термина встречаем в рецензии на книгу, написанную врачом-писателем Джеромом Группманом [20], который выделяет несколько «нарративов, которых мы придерживаемся, чтобы распознать болезнь», которые он также называет «нарративами головы и тела». Большинство из нарративов головы и тела, объясняет Группман, уходит корнями в религиозные представления о болезни как о чем-то демоническом. Исторически за этим последовал научный «скептический нарратив», а затем популярное сейчас представление о том, что стресс вызывает болезнь, каковое представление Группман приписывает одному чешскому врачу, о котором пишет: «Его нарратив вполне соответствует культурному дискурсу эпохи холодной войны».

Использование «нарратива» в том значении, которое данный термин имеет в теории каузации, т.е. «правдоподобное объяснение», становится источником юмора для карикатуры в журнале *New Yorker*, изображающей типичную ситуацию в кабинете психотерапевта. Сидя в мягком кресле, психотерапевт говорит угрюмому клиенту: «Послушайте, сделать вас счастливым невозможно, но я могу предложить вам нарратив, утешающий в несчастье» (10.12.2007. С. 92). На другой карикатуре в том же журнале изображается еще одна типичная сцена: человек в пальто с портфелем в руке стоит в дверях спальни, женщина пытается прикрыть обнаженное тело, а мужчина в одном нижнем белье сидит на краю кровати, явно пытаясь сбежать. Подпись гласит: «Я знаю, о чем вы думаете, но позвольте предложить вам альтернативный нарратив» (9/6/04 р. 138). Источник юмора на обеих карикатурах – слишком частое употребление термина «нарратив» и большое количество смыслов, которые он выражает.

Эти примеры из публичного дискурса иллюстрируют использование термина «нарра-

тив» в значении объяснения, причинно-следственной связи, темы, установки или идеи. В этом же смысле я использую предлагаемый мной термин *Н-нарратив* для обозначения общего способа, которым опрошенные мною женщины характеризуют свои взаимоотношения с сестрами. То есть, когда женщины говорили мне, что близки со своими сестрами или нет, похожи или разные, они предлагали объяснения, основанные на семейных обстоятельствах и / или личностных качествах. Одно общее «семейное обстоятельство» – очередность появления на свет. Многие женщины сообщали мне, что их сестры были заботливыми, защищали их, или были авторитарными, и что они идеализировали своих старших сестер и старались быть похожими на них. Многие женщины говорили мне, что на них возлагали ответственность за младших детей, и они либо с радостью соглашались, либо не принимали младших, которые ходили за ними по пятам или все за ними повторяли. Другое распространенное обстоятельство – психологическая травма в семье, например, развод, болезнь, смерть, алкоголизм или насилие. Многие женщины объясняли, что психологическая травма, полученная в детстве, либо сближала сестер, либо делала их чужими. Например, женщина могла находить объяснение своей близости с сестрой в том, что они росли на ферме и им приходилось довольствоваться компанией друг друга. Тема жизни на ферме как причины близости сестер представляет собой *Н-нарратив*, который обеспечивает то, что А. Беккер [16] называет «принципом когерентности», организуя дискурс. Другими словами, *Н-нарратив* напоминает «сюжетную линию» в терминах Б. Дэвиса и Р. Харре [21].

Для меня понимание дискурса сестер в значительной степени связано именно с выявлением соответствующих моделей *Н-нарратива* у многочисленных рассказчиц.

Стратегии вовлечения в н-нарративах

Так же как я внимательна к моделям *Н-нарративов* в дискурсе рассказчиц, я обязательно стараюсь уловить *н-нарративы* и расспрашиваю о них, чтобы действительно понять, что же каждая из рассказчиц имеет в виду, развивая определенную тему. Выявляя эти рассказы в транскрипции интервью, я почти сразу заметила ключевую роль «стратегий вовлечения», которые выявила прежде. В то время как *Н-нарратив* обеспечивает сюжетную линию или тему, заданную Супер-нарративом: близость или дистанция и сходство или различие, *н-нарративы* представляют собой рассказы о конкретных со-

бытиях, которые женщины используют, чтобы проиллюстрировать и пояснить свои *Н-нарративы*. Это подлинные (не вымышленные) истории, с помощью которых рассказчица доносит до слушателя свое восприятие отношений с сестрой или сестрами.

Как указывалось выше, в предыдущих работах [2]; а также [22] я показываю, что языковые факты, которые мы воспринимаем как принадлежащие литературной речи, а именно: повтор, диалог и детали, – представляют собой основополагающие стратегии создания смыслов в разговорной речи; в совокупности они создают сцены событий: «люди, находящиеся во взаимоотношениях друг с другом, занимающиеся культурно- и личностно-значимой деятельностью» [2 : 31].

Именно через сцены событий говорящие выражают смысл, а слушающие его распознают. Теперь я бы добавила, что *н-нарратив* есть серия сцен событий и, следовательно, понятие сцены события является центральным в нашем понимании нарратива, и оно объясняет, почему нарратив является центральным понятием в нашем понимании дискурса. Сцены, созданные диалогом, деталями, описанием действия и усиленные повторами, помогли мне понять, о чем рассказывали мне женщины, с которыми я беседовала.

В следующем разделе я показываю, как *н-нарративы* поясняют *Н-нарративы*, которые очерчены Супер-нарративами, а также как повтор стратегий вовлечения, детали и диалог работают в нарративах, создавая сцены событий.

Диалог в н-нарративах

В моем первом примере диалог создает сцену события, которая иллюстрирует *Н-нарратив* рассказчицы, то есть, с точки зрения принципа когерентности, сюжетную линию, которой она охарактеризовала свои взаимоотношения с сестрой.

Частая тема, или *Н-нарратив*, предлагаемая женщинами как объяснение причины отчуждения между сестрами или осуждения сестер, – неумение сестры выразить заботу или предложить помощь в случае болезни, развода или других жизненных трудностей. В следующих двух примерах представлены *н-нарративы* женщин, повествующие об отсутствии поддержки в период кризиса, что послужило доказательством *Н-нарратива* о том, что они не близки со своими сестрами из-за недостатков либо в характерах сестер, либо в их поведении. Кроме обращения к Супер-нарративу о том, что от сестер ожидают близких отношений – поскольку есть необходимость в объяснении, почему эти сестры не

близки, — эти истории также раскрывают необходимость объяснения, почему от сестер ожидают, что они будут поддерживать друг друга во время кризиса в личной жизни.

В ходе обычного разговора, который начинался более или менее так, как я описала в начале статьи, я спросила у женщины, которую видела первый раз в жизни, есть ли у нее сестры. Она сказала, что у нее самой сестры нет, но у ее матери есть сестра и их взаимоотношения отнюдь не хорошие. Женщина рассказала, что мать редко общается с сестрой, то есть тетей рассказчицы, потому что тетя самовлюбленная и эгоистичная. Это был Н-нарратив, мотивирующий дискурс этой женщины. Она рассказала, что у ее брата были с детства проблемы со здоровьем, но тетя никогда не интересовалась ни здоровьем брата, ни трудностями, с которыми пришлось столкнуться матери рассказчицы, то есть сестре. Эта информация создавала фон для н-нарратива, повествования о конкретном событии, с помощью которого женщина проиллюстрировала отношение к своей тетке. Однажды, рассказала она, ее брата положили в больницу в Нью-Йорке, и мать отправилась с ним, чтобы помочь ему. Из Нью-Йорка она позвонила сестре и описала сложившуюся ситуацию и трудности, через которые ей пришлось пройти в связи с госпитализацией сына. В ответ она услышала: «Почему ты не расскажешь мне о чем-нибудь веселом? Ты просто портишь мне настроение».

Эта строка диалога написана в кавычках вверху страницы, на которой я делала записи во время беседы. Понятно, что это было не первое, что я услышала в беседе, но это было первым, что я записала: именно услышав эту реплику, я полезла за бумагой для записи, записала эту строку (дважды проверив, что записала слово в слово), и начала записывать беседу. До этого момента рассказ, который я записывала, не особенно отличался от других подобных повествований. Но диалог сумел выразить, сконцентрировать бессердечие тетки так, как не могло все предыдущее описание. Я знала, что эту реплику я могу использовать, потому что она помогла создать сцену события: мать рассказчицы в чрезвычайно сложной ситуации — одна в огромном враждебном городе (обратите внимание на деталь: Нью-Йорк; мне называли и больницу), должна справляться с трудностями в больнице и волнением по поводу болезни ребенка, разговаривает по телефону с близкой родственницей, ожидая сочувствия.

В контексте этой сцены реплика женщины драматизирует бессердечие тетки. Таким

образом, стратегия вовлеченности, конструирующая диалог, придает важность н-нарративу этого телефонного разговора, который поясняет Н-нарратив о том, что мать этой женщины не была близка со своей сестрой, потому что сестра была очень эгоистичной. Более того, я могу утверждать, что рассказчица была мотивирована использовать нарратив, чтобы объяснить, почему ее мать мало общалась с сестрой — то есть, почему они не были близки. Иными словами, Нарратив был обусловлен Супер-нарративом о том, что сестры должны быть близки.

Я столкнулась с подобным использованием диалога в рассказе другой женщины о проблемной сестре — в этом случае родной сестре рассказчицы. Эта беседа также была с женщиной, которую я видела первый раз в жизни. У нее был очень выразительный вид, когда она утвердительно ответила на мой вопрос о том, есть ли у нее сестра. Затем она начала Н-нарратив, который определил все остальное, что она далее рассказала: она и ее сестра были в плохих отношениях из-за эгоизма и самовлюбленности сестры. В частности, сестра не выполняла семейные обязанности, перекладывая их на свою (старшую) сестру, рассказчицу. Чтобы подтвердить собственную оценку своей сестры, женщина рассказала мне н-нарратив: когда их отец был при смерти и семья собралась у его постели, то сестра решила уйти. «Ты же будешь там, — сказала она. — Ты мне расскажешь, что произошло».

В этом случае принципом когерентности Н-нарратива, определяющим дискурс рассказчицы, тоже было бессердечие сестры, ее эгоизм и неспособность выполнять обязанности перед семьей. Описанное конкретное событие — уход сестры во время смерти отца — это н-нарратив, поясняющий Н-нарратив или тему: моя сестра и я не близки, потому что она безответственна и эгоистична. Как и в предыдущем примере, Н-нарратив мотивируется Супер-нарративом о том, что сестры должны быть близки. В этом примере, как и в предыдущем, ключевой стратегией вовлечения был сконструированный диалог, который оказался эффективным, потому что завершил и помог создать сцену, которая драматизировала точку зрения рассказчицы. Слово *драматизировать* используется не только метафорично; оно содержит мысль о том, что дискурс, представляющий чью-то речь, не пассивное «изложение» слов, произнесенных другим человеком, но скорее диалог, конструируемый рассказчицей, чтобы передать идеи, релевантные для беседы, в которой она прини-

мает участие точно так же, как драматург конструирует диалог в пьесе, предназначенной для постановки.

Стратегии вовлечения и три типа нарратива

Два коротких примера, представленных выше, были взяты из бесед, которые я не планировала заранее и не записывала на пленку. В этом разделе я подробнее рассмотрю дискурс, который я записывала во время двух разных предварительно запланированных интервью. Мой анализ иллюстрирует, каким образом стратегии вовлечения в н-нарративах поясняют Н-нарративы, порождаемые общекультурными Супер-нарративами.

Следующие фрагменты являются фрагментами двух из семидесяти пяти интервью о сестрах, которые я взяла у женщин в личной беседе. Я использовала собственную социальную сеть, чтобы найти женщин, которым было бы интересно поговорить со мной. В редких случаях я разговаривала с женщинами, которых немного или хорошо знала; в большинстве случаев я общалась с женщинами, которых никогда не встречала прежде и которых не планировала встретить снова. Хотя я не пыталась специально получить репрезентативный материал, я намеренно включила женщин разного возраста, разных по этническому происхождению, из разных культур. Так, Примеры 1 и 2 взяты из беседы с подругой матери, которая приехала к дочери в город, в котором я живу. Я очень хотела включить ее в свое исследование, потому что ей было 80 лет и она была намного старше других женщин, с которыми я беседовала.

Большинство интервью я проводила в гостях у собеседниц, хотя, если это было неудобно, мы встречались у них на работе, в ресторане или, в нескольких случаях, у меня дома. Если женщина была не из моего города, я общалась с ней по телефону, обычно печатая текст беседы на машинке, а не записывала беседу на пленку. Все интервью я начинала с приветствия собеседницы и беседы на темы, которые казались уместными в зависимости от степени нашего знакомства, и повторяла, что не буду использовать ни слова из интервью, не получив первоначально ее одобрения. Если собеседница была моей знакомой, я начинала с обычного small talk. Я встретила с Коллин, матерью своей подруги, в доме ее дочери, в квартире для гостей, в которой они с супругом останавливались, приезжая в гости. Перед началом интервью Коллин показала мне свои фотографии и фотографии своей семьи и

объяснила, что ее муж – отчим моей подруги, за которого она вышла после смерти своего первого мужа. Затем мы сели на диван и я начала интервью со слов: «Просто расскажите мне о себе и своей сестре».

Пример 1: Сходство, несмотря на расстояние

Все, что Коллин рассказала мне о взаимоотношениях со своей старшей сестрой, которая умерла несколькими годами ранее, поддерживало этот Н-нарратив: Коллин и ее сестра, которая была необыкновенным и чудесным человеком, были похожи по своей сути, несмотря на многочисленные внешние различия, и близки, несмотря на то, что жили в разных городах большую часть жизни. Когда Коллин была ребенком, ее сестра жила с тетей в каком-то далеком городе, чтобы получать медицинскую помощь, которая была необходима из-за заболевания, которое самым печальным образом остановило ее рост.

Коллин начала, показывая свою сестру на фотографии и говоря:

Моя сестра была, она была больна около девяти лет. И вот, и она была на восемь лет старше меня. Это Джинни, это маленькая Джинни Фасолинка. В ней было всего четыре фута восемь дюймов».

Н-нарратив о том, что жизнь сестры была обусловлена ее детским заболеванием и, как результат, маленьким ростом, был, таким образом, заявлен в начале интервью. Коллин также указывает на свою любовь к сестре, используя ее семейное имя: «маленькая Джинни Фасолинка». В следующей реплике она сказала мне: «У нас были уникальные взаимоотношения на большом расстоянии», и затем объяснила, как Джин поддерживала ее и заботилась о ней, когда Коллин росла, несмотря на физическую дистанцию между ними. Таким образом, в соответствии с Супер-нарративом о том, что сестры должны быть близки, Коллин размещает свои взаимоотношения с сестрой на континууме (эмоциональной) близости и (физической) дистанции.

Создав таким образом сцену, Коллин сразу же переходит ко второй части Супер-нарратива, рассказывая, чем она и сестра отличались и, вместе с тем, чем были похожи. Их различия включали жизненные обстоятельства (Коллин дважды выходила замуж, у нее были дети, а Джин никогда не была замужем и не имела детей) и интересы («Я читаю периодику, а она книги»). Несмотря на это, Коллин сказала: «Внутренне мы были очень похожи». Важно, что они обе

всю жизнь заботились о ком-то: «Я уверена, что подражала ей, всегда что-то делая для кого-то». Более того, у них были «одинаковые привычки»: «Стирка в понедельник, глажка во вторник, уборка дома по четвергам – так было у нас обеих».

Пример 1 – н-нарратив, который Коллин использовала для пояснения Н-нарратива о том, что она и ее сестра были похожи, не смотря на внешние различия¹.

*Она сходит в библиотеку
и говорит,
«Я прочитала чудеснейшую книгу.
Ты обязательно должна ее прочесть».
А я могла купить эту книгу
или шла в библиотеку
и читала ту же самую книгу
в это же самое время.*

*Однажды когда она позвонила она сказала,
«О, я наконец купила пальто,
оно такое оригинальное».
Я спросила: «Какое оно?»
Она ответила: «Красное».
и сказала,
«Оно не слишком яркого красного цвета, –
но, – сказала она, – оно как вязаное,
но это не обычная шерсть
из которой вяжут свитера»,
и я сказала: «Ты шутишь».
Я спросила: «Это длинное пальто или корот-
кое, как пиджак?»
«Нет, оно до колена».
Я сказала, «Поверить не могу».
Она сказала: «Ты о чем?»
Я сказала: «У меня точно такое же пальто.
Я только что купила его там-то и там-то».
И у нас было очень. . .
у нас так бывало.*

Эта двучастная иллюстрация их сходства начинается с квази-нарратива, описывающе-

¹ В этом и последующих отрывках, чтобы лучше передать ритм речи я выделяю строки, которые представляют собой фрагменты речи, произнесенные до следующего вдоха. Кавычки у меня – пояснительное представление диалога. Вопросительные знаки указывают на грамматический вопрос, а не повышение тона, а точки обозначают и падение интонации в конце предложения, и грамматический конец предложения. Запятые указывают на интонацию конца фразы, имплицитно значение «продолжение следует». Три точки без пробелов (...) обозначают короткую паузу. Три точки с пробелами (. . .) обозначают эллипсис: опущенные строчки или слова. Тире (–) обозначает фальстарт, неудачное начало, резкое и мгновенное прекращение речи. ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ обозначают эмфазу. Стрелки обозначают строки, которые являются ключом к аналитическому комментарию.

го событие, которое периодически повторялось (читали одну и ту же книгу в одно и то же время, не зная о выборе друг друга), и оригинального н-нарратива о случае, когда они узнали о том, что купили одинаковые пальто.

Воздействие этих нарративов усиливается повторением слов и синтаксических парадигм:

*точно такая же книга
в это же самое время.
у меня точно такое же пальто.
и у нас точно . . .*

Повтор «такая же, такое же» перед словами *книга* и *пальто* устанавливает параллелизм, при котором выражение *такой же* может опускаться в последней строке: «у нас точно», где слово *точно* воспринимается как первое слово фразы *точно такой же*. Вряд ли имеет значение, какими могли бы быть пропущенные слова (такой же вкус?).

Эффект данного н-нарратива связан, частично, с деталями, которые создают образ пальто:

*оно красное
не ярко красного цвета
вязаное пальто
не обычная шерсть, из которой вяжут свитера
доходит до колен*

Образ создается цветом пальто (красный), материалом (вязаное шерстяное) и длиной (до колен). То, что пальто было необычным (оно такое оригинальное, «не обычная шерсть» для вязания) делает еще более удивительным и значимым то, что Коллин и Джин купили одинаковые пальто.

Наконец, телефонный разговор, который обеспечивает сцену для н-нарратива, создан в виде сконструированного диалога. Я представляю диалог так, как он был бы представлен в художественном произведении, когда новый абзац указывает на новый речевой ход собеседников, в то время как в речи на это указано фразами *она сказала* и *я сказала*, а также изменением голоса. Более того, такое представление диалога ясно указывает на то, что диалог имеет целью создание драматического эффекта, для этого же его использует и автор в художественном повествовании.

*О, наконец, я купила пальто, оно такое оригинальное.
Какое?
Красное. Не ярко красное, как будто вязаное, но не из обычной шерсти, из которой можно свитер связать.*

Ты шутишь? Оно длинное или короткое, как жакет?

Нет, до колен.

Не может быть!

А что?

У меня точно такое же пальто. Я только что купила его там-то и там-то.

Наряду с диалогом, определенный вклад в сцену вносят детали, в результате драматизируется не только сходство сестер, но и их близость. Удивительная новость о том, что они купили одинаковые пальто, выясняется в телефонном разговоре сестер, которые часто звонят друг другу и обмениваются информацией о покупках и другими новостями.

То, что Коллин рассказывает о чтении с сестрой одной и той же книги и покупке одинакового с ней пальто – н-нарративы, поясняющие Н-нарратив о том, что сестры были близки и похожи, несмотря на то, что жили далеко друг от друга и совершенно очевидно жили по-разному. Смысл данных нарративов подчеркивается повтором, в то время как детали и диалог вместе создают сцену, в которой слушающий получает представление о личных взаимоотношениях сестер и разделяет их удивление и удовольствие по поводу совпадений. Иллюстрируя то, что она и ее сестра, несмотря на внешние различия, «были очень похожи» и, несмотря на физическое расстояние между ними, очень близки, Коллин действует в рамках общекультурного Супер-нарратива о том, что сестры должны быть похожи и близки.

Пример 2: Сцена близости

Я процитирую еще один отрывок из интервью Коллин, чтобы проиллюстрировать создание сцены и продемонстрировать важность и возможности сцен в пояснении Н-нарратива. Следующий фрагмент – еще один квази-нарратив, поскольку рассказывает о событии, которое повторялось постоянно, а не было однократным.

Коллин рассказала мне, что беспокоилась за Джин, которая, несмотря на возраст, продолжала жить одна, и поэтому постоянно приглашала Джин переехать к ней, чтобы вместе со своим мужем, Джорджем, Коллин могла заботиться о ней. За два года до своей смерти Джин наконец приняла приглашение. Коллин описала следующую сцену из того периода их жизни:

*Конечно Джинни была доброй,
Джинни была просто очень доброй.*

*Я могу еще,
Когда она переехала ко мне,
Было так весело.*

*Джордж обычно вставал
и уходил завтракать или еще зачем-то
и Джинни просовывала голову в дверь
и я говорила: «Заходи».
она отвечала «Нет»,
вы знаете, не забывайте, что
мы жили вместе во Флориде
около двух с половиной лет.
Она говорила: «Нет, я просто...»
«Джинни, иди сюда».
И она входила,
тогда я укладывала ее в кровать
и она лежала
лежала рядом со мной
и я держала ее за руку.
У нее были такие крошечные ручки,
просто крошечные ручки,
и как птичка, птичья лапка.
Мы там лежали
и начинали разговаривать
и мы смеялись
и мы часто так делали пока росли.
Мы лежали вместе в кровати
и просто разговаривали.*

Эта трогательная сцена, когда две пожилые сестры лежат рядышком в кровати, держась за руки, явно усиливает Н-нарратив Коллин о своих близких отношениях со старшей сестрой. Безусловно, он усиливает ощущение близости, представляя как ее физический аспект, так и эмоциональный.

Эмоциональное воздействие сцены усиливается синтаксическим повтором:

*и она ложилась,
и лежала рядом со мной
...
Мы там лежали
...
Мы лежали вместе в кровати*

Повтор синтаксической парадигмы также подчеркивает близость сестер, что подтверждается тем, что всю жизнь они вместе разговаривали и смеялись:

*и начинали разговаривать
и мы смеялись
и мы часто так делали пока росли*

Повтор также усиливает утверждение Коллин, что ее сестра была чудесным человеком, это подтема Н-нарратива, который организует ее дискурс. Сцена, когда две сестры лежат утром в постели, вводится повторением утверждения о характере Джин:

*Конечно, Джинни была доброй,
Джинни была очень доброй.*

Интересно, что нарратив больше говорит о доброте Коллин, пригласившей сестру к

себе в дом и даже в свою кровать, чем о доброте Джин, но рассказ действительно иллюстрирует скромность Джин, когда первоначально она отклоняет приглашение («Джин, иди сюда») лечь вместо своего зятя в кровать сестры. Отказ, более того, повторяется:

*Она отвечала «Нет»,
вы знаете, не забывайте, что
мы жили вместе во Флориде
около двух с половиной лет.
Она говорила: «Нет, я просто...»*

Скромность, проявляющаяся в нежелании Джин принять приглашение сестры, усиливается самоуничижительным «просто» во втором повторе: (Она говорила: «Нет, я просто»).

Эти н-нарративы, процитированные из моего интервью с Коллин, демонстрируют, почему я жду появления историй, как появления мыши из норки: такой подробный рассказ об особых, значимых для сестер событиях позволил мне понять, какой была сестра Коллин и какие отношения были между сестрами. Все это было бы невозможно передать общим описанием. Данные фрагменты также иллюстрируют, как в нарративе стратегии вовлечения создают сцену, которая придает драматизм тем аспектам взаимоотношений сестер, которые составляют Н-нарратив Коллин, то есть сюжетную линию. Более того, они показывают, как размещение в континуумах на шкале близость / дистанция и сходство / различие обеспечивает Супер-нарратив для дискурса Коллин о сестре.

Пример 3: Мы против всего мира.

Последний пример я приведу из беседы с Кейт, женщиной 34 лет, младшей дочерью моей подруги. Я познакомилась с Кейт на вечеринке, которую устраивала ее мать, а после этого побеседовала с ней у нее дома. Н-нарратив Кейт, тема, которая обеспечивала принцип когерентности в ее дискурсе, заключался в том, что три старших ребенка в семье – два брата и сестра – всегда защищали ее и что они всегда были дружны, объединенные общими трудностями, связанными с разводом родителей. Чтобы проиллюстрировать этот Н-нарратив, Кейт рассказала следующий н-нарратив из детства.

Как-то летом семья провела несколько недель в каком-то далеком городе, где мама преподавала в летней школе. В течение дня за детьми присматривала одна из студенток матери, строгая молодая женщина, которая детям не нравилась. В это время Кейт под-

хватила воспаление легких и нянька закрыла ее в комнате на замок, «так что мои братья и сестра не могли ко мне попасть», по-видимому, чтобы они не заразились. Для Кейт, однако, такая изоляция превратилась в мучение, от которого ее героически избавили старшие дети:

*Это было ХУДШЕЕ
что могло со мной случиться.
Я чувствовала себя так, я чувствовала себя так
э-э...
было просто ужасно.
Тогда они забрались на второй этаж,
они ЗАБРАЛИСЬ по э-э
скажем, по решетке,
на второй этаж дома,
и пробрались в комнату
за мной.
Все это было...
Они так поступили,
казалось, мы были против всего мира.*

В этом месте я спросила: «Они так поступили, потому что знали, что вам было страшно?». Кейт ответила, повторив: «Мы были против злой няньки [смеется]». Затем она продолжила рассказ:

*А потом моя сестра,
моя сестра,
это классика,
моя сестра,
до сих пор такая же,
если что-то случается,
с кем-нибудь,
она так... – она – именно она
набросится на...
Она м.. взяла любимую расческу – массажную
щетку няньки.
У той женщины были красивые длинные волосы
и она все время их расчесывала.
И она взяла ее
И она взяла ее
и ПОГРЫЗЛА ее,
и вырвала зубчики – щетину – зубчики,
или как там они называются,
вырвала щетину [смеется].
И женщина только,
и она сказала,
«Собака, собака это сделала.
Собака, так жаль».*

Из рассказа Кейт видно, что первая часть ее н-нарратива поясняет Н-нарратив о том, что старшие дети в семье защищали ее и что все они объединились «против всего мира».

Повторяющаяся синтаксическая конструкция выражает суть повествования:

*мы были против всего мира.
Мы были против злой няньки [смеется]*

Вторая часть нарратива иллюстрирует тот факт, что сестра особенно «яростно защищала» Кейт: она отомстила за несправедливость, от которой страдала Кейт, испортив любимую вещь мучительницы. Кульминация подчеркивается лексическим повтором в строке диалога, который также содержит коду:

*и она сказала,
«Собака, собака это сделала.
Собака, так жаль.»*

Повторяя слово *собака*, Кейт подчеркивает бесстрашие сестры в нападении на врага – няньку.

Детали, повтор и сцены вместе подчеркивают тему рассказа:

*Тогда они забрались на второй этаж,
они ЗАБРАЛИСЬ по э-э
скажем, по решетке,
на второй этаж дома,*

Героические усилия, приложенные старшими братьями и сестрой Кейт, выдвигаются на первый план благодаря повтору и эмфатическому ударению на словоформе *забрались*; трудность этого предприятия подчеркивается словом *решетка*: конструкция, прикрепленная к дому снаружи. Образ группы детей, взбирающихся по стене, чтобы спасти свою младшую сестру, – это сцена, драматизирующая суть рассказа Кейт: что ее старшие брат и сестра всегда защищали ее и они все объединились, чтобы выстоять перед трудностями, вызванными разводом родителей.

Повтор и детали также объясняют повреждения, нанесенные сестрой Кейт щетке для волос, принадлежавшей няньке:

*И она взяла ее
и ПОГРЫЗЛА ее,
и вырвала зубчики – щетину – зубчики,
или как там они называются,
вырвала щетину [смеется].*

В последовавшей затем переписке по электронной почте Кейт уверила меня, что ее сестра в буквальном смысле погрызла щетку, оставив следы от зубов, которые нянька так всегда и считала следами собачьих зубов. А та деталь, что ее сестра вырвала щетину (оговорку Кейт: сказала «зубчики» (*brussels*) вместо «щетины» (*bristles*) – будем трактовать по Харви Саксу [23]: вероятно, это было вызвано тем, что слова *расческа* (*hairbrush*) и *щетка* (*brush*) звучат похоже), создает картину сломанной щетки гораздо лучше, чем получилось бы при опи-

сании ситуации общей фразой «она сломала щетку». Более того, фраза «она взяла ее» вызывает повтор синтаксической парадигмы (взяла ее / погрызла ее / вырвала щетину), что создает впечатление серии действий, что по воздействию гораздо эффективнее, чем описание двух отдельных действий: «погрызла» и «вырвала».

Нарративы Кейт со строчной «н» – н-нарративы – то, как дети храбро ее спасали, а сестра отомстила за несправедливость по отношению к ней, поясняют ее Н-нарратив: старшие братья и сестра защищали ее, в то время как дети объединились вчетвером перед трудностями, вызванными разводом родителей. Как сказала Кейт где-то в другом месте интервью, она, ее братья и сестра были: «НЕВЕРОЯТНО близки, пока росли. Мы были чем-то вроде утешения друг для друга». Таким образом, Н-нарратив был очерчен Супер-нарративом близости.

Заключение

Одна из женщин, с которыми я беседовала, заметила по поводу числа рассказанных мне историй, что «Любые взаимоотношения – это истории». Такое понимание отложилось у меня в голове, потому что оно объясняет причину, по которой в своих попытках понять дискурс сестер я использую интервью, несмотря на то что в качестве теоретической базы своего исследования рассматриваю интеракционную социолингвистику, а в качестве основного метода – анализ спонтанной разговорной речи. Я, таким образом, поднимаю вопрос о роли интервью в дискурсивном анализе, при этом следует заметить, что одним из преимуществ проведения интервью или бесед на заданную тему является возможность извлечь нарративы. Внимание к центральной роли нарратива, в свою очередь, позволяет установить важность повтора стратегий вовлечения, конструируемого диалога и деталей. Более того, я рассмотрела ключевую роль, которую играет главная стратегия вовлечения, сцены.

Я предложила, кроме того, трехуровневое понятие нарратива для описания моделей, которые я исследовала, расспрашивая женщин о сестрах. Высший уровень – Супер-нарратив, культурно-обусловленная система взглядов и представлений о мире, которую представители данной культуры воспринимают как само собой разумеющуюся. Эти представления не сформулированы, но определяют то, что собирается сказать говорящий. Когда я разговаривала с женщинами о их сестрах и изучала записи бесед на заданную тему, меня сразу поразило то, как часто и как быстро американки рассказыва-

ли мне о том, были ли они, как и почему, если были, близки со своими сестрами; были ли они, и если да, то почему, похожи на сестер или отличались от них. То, что так много женщин организовали свой дискурс именно таким образом, доказывает существование Супер-нарратива, согласно которому культурные ожидания, связанные с сестрами, – то, что они близки и похожи.

Два других уровня нарратива, Н-нарратив и н-нарратив, моделируются по аналогии с делением Джи на Д-дискурс и д-дискурс. Я использую термин н-нарратив, чтобы обозначить то, что обычно считают историей. В моих интервью это повествования о различных событиях и интеракциях, в которых участвовали сестры моих собеседниц. Я предлагаю термин Н-нарратив для обозначения сюжетной линии или темы, функция которой – реализовать принцип когерентности в дискурсе о сестрах. Н-нарратив, структурируя интервью, обычно помещает рассказчицу на континууме между близким и далеким, с одной стороны, и сходным и различным – с другой. Обычно рассказчицы описывали себя и своих сестер как уникальную комбинацию этих переменных и объясняли, почему и как, с их точки зрения, они стали такими. Поэтому я сделала вывод, что истории, рассказанные мне женщинами, были н-нарративами, поясняющими Н-нарративы, обусловленные несформулированным Супер-нарративом – культурно-обусловленной системой взглядов и представлений, которая обнаруживается при характеристике коллективного дискурса отдельных говорящих. Другими словами, женщины имеют тенденцию определять свои взаимоотношения с сестрами как близкие или неблизкие и описывать себя и своих сестер как похожих и / или отличающихся друг от друга в соответствии с культурно-обусловленным представлением о том, что сестры должны быть близки и похожи.

Я надеюсь, что, таким образом, внесла определенный вклад как в дискурс сестер, так и в целом в дискурсивный анализ и теорию нарратива.

Благодарность

Эта статья была первоначально представлена в виде доклада на круглом столе по лингвистике, организованном университетом Джорджтауна в Вашингтоне, округ Колумбия, в марте 2008 года. Хочу выразить слова благодарности Деборе Шифрин, которая была одним из организаторов круглого стола и читала мой текст, за ценные замечания, а также двум анонимным рецензентам, читавшим текст статьи. Я искренне при-

знательна всем женщинам, которые участвовали в интервью, уделив мне время и оказав доверие; особая благодарность тем, чей дискурс я цитирую и анализирую в данной статье: Коллин Миллер и Кейт Шрив.

REFERENCES

1. Welty E. *One writer's beginnings*. Cambridge, MA, 1984. 128 p.
2. Tannen D. *Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse*. Revised edition, Cambridge, 2007 [1989]. 244 p.
3. *Repetition in discourse: Interdisciplinary perspectives*. In 2 vol. Ed. by B. Johnstone. Norwood, New York, 1994. Vol. 1: 250 p.; Vol. 2: 214 p.
4. Schegloff E. Practices and actions: Boundary cases of other-initiated repair. *Discourse Processes*, no. 23 (3), 1997, pp. 499–545.
5. Rieger C. L. Repetitions as self-repair strategies in English and German conversations. *Journal of Pragmatics*, 2003, vol. 35, no. 1, pp. 47–69.
6. Stivers T. «No no no» and other types of multiple sayings in social interaction. *Human Communication Research*, 2004, vol. 30, iss. 2, pp. 260–293.
7. (Ed.) *Direct and indirect speech*. Ed by F. Coulmas. Berlin, 1986.
8. Mayes P. Quotation in spoken English. *Studies in Language*, 1990, vol. 14, pp. 325–363.
9. Gunthner S. Polyphony and the 'layering of voices' in reported dialogues: An analysis of the use of prosodic devices in everyday reported speech. *Journal of Pragmatics*, 1999, vol. 31, pp. 685–708.
10. Buttny R. Putting prior talk into context: Reported speech and the reporting context. *Research on Language and Social Interaction*, 1998, vol. 31, iss. 1, pp. 45–58.
11. Labov W., & Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience. *Essays on the verbal and visual arts*. Ed by J. Helm. Seattle, 1967, pp. 12–44.
12. Gee J. P. *Social linguistics and literacies: ideology in discourse*. 2nd ed. London, 1999.
13. Kendall S. Father as breadwinner, mother as worker: Gendered positions in feminist and traditional discourses of work and family. *Family talk: Discourse and identity in four American families*. Ed. by D. Tannen, S. Kendall, C. Gordon. New York, 2007, pp. 123–163.
14. Tannen D. The relativity of linguistic strategies: Rethinking power and solidarity in gender and dominance. *Gender and discourse*. Oxford and New York, 1994, pp. 19–52.
15. Brown R. & Gilman A. The pronouns of power and solidarity. *Style in language*. Ed by T. Sebeok. Cambridge, MA, 1960, pp. 253–276.
16. Becker A. L. *Beyond translation: Essays toward a modern philology*. Ann Arbor, 1995.
17. Tannen D. *You're Wearing THAT?: Understanding Mothers and Daughters in Conversation*. New York, 2006. 304 p.
18. Bradley B. *The new American story*. New York, 2007.

19. Krugman P. *The conscience of a liberal*. New York, 2007.

20. Groopman J. Faith and healing: review of *The cure within* by Anne Harrington. *The New York Times Book Review*, 2008, January 27, pp. 14–15.

21. Davies B., Harré R. Positioning and personhood. *Positioning theory*. Ed. by R. Harré, L. Van Langenhove. Oxford & Malden, MA, 1999, pp. 14–31.

22. Tannen D. *I Only Say This Because I Love You: Talking to Your Parents, Partner, Sibs, and Kids When You're All Adults*. New York, 2001. 368 p.

23. Sacks H. Lecture notes March 11. *Lectures on conversation Vol. II*. Oxford, UK & Cambridge, MA, 1992 [1971], pp. 318–331.

Статья поступила в редакцию 01.09.2013.